

RU

Место религии в жизни и творчестве британского поэта, прозаика
и литературного критика начала XX века Эдварда Томаса

Талызина Е. В.

Аннотация. Цель исследования – по возможности объективно показать отношение Эдварда Томаса (1878-1917) – британского поэта, прозаика и литературного критика начала XX века – к религии, в том числе традиционной. Научная новизна данной работы заключается в том, что тема места религии в жизни Томаса и того, как его отношение к ней выразилось в многообразном творчестве писателя, серьёзно не освещена не только в отечественном литературоведении, но и в англоязычном (единственная попытка, обнаруженная нами, принадлежит англиканскому богослову, который, судя по всему, недостаточно хорошо знаком с творчеством данного писателя). В результате показано, что кажущаяся враждебность Э. Томаса по отношению к христианству – это отстранённость неверующего человека и историка, благоговейное отношение к природе, характерное для ряда его произведений и побуждающее некоторых исследователей творчества писателя приписывать ему «религиозный дух», восходит к английской традиции литературы о природе, а некая неуловимая неудовлетворённость, «экзистенциальная» тоска, пронизывающая многие стихотворения поэта, которую иногда принимают за стремление к трансцендентному, желание обрести Бога, носит скорее психологический характер.

EN

The place of religion in the life and creative
work of the British poet, prose writer
and literary critic of the early XX century Edward Thomas

Talyzina E. V.

Abstract. The aim of the research is to show as impartial as possible the attitude of Edward Thomas (1878-1917) – a British poet, prose writer and literary critic of the early XX century – to religion, including traditional religion. The scientific novelty of the paper lies in the fact that the topic of religion's place in Thomas' life and how his attitude to it was expressed in the writer's diverse oeuvre has been insufficiently covered not only in Russian literary studies, but also by English-speaking scholars (the only attempt we have found belongs to an Anglican theologian, who appears to be not familiar well enough with this writer's creative work). As a result, it has been shown that the apparent hostility of E. Thomas towards Christianity is the detachment of an unbeliever and a historian, a reverent attitude to nature, which characterises a number of his works and prompts some researchers of the writer's creative work to attribute to him a "religious spirit", goes back to the English tradition of literature about nature, while some elusive dissatisfaction, "existential" gloom permeating many of his poems, which is sometimes mistaken for the striving for the transcendent, the desire to find God, is rather psychological in nature.

Введение

Ещё с конца XIX века европейская цивилизация переживает кризис, который Ницше охарактеризовал как «смерть Бога». Одним из тех, для кого «Бог умер», был британский поэт, прозаик и литературный критик начала XX века Эдвард Томас (1878-1917). Томас был поэтом последние два года жизни, за которые написал 142 стихотворения, однако оказал влияние на ряд видных англоязычных поэтов XX века, в число которых входят, например, У. Х. Оден, в зрелые годы обратившийся к вере, и Шеймус Хини, никогда не отказывавшийся от традиционной религии. Вследствие созвучности мировосприятия Э. Томаса их собственному современники поэты тоже признают его влияние, и место этого автора в британской литературе до сих пор окончательно не определено, чем объясняется актуальность исследования.

Достижение цели исследования предполагает решение частных задач:

- выяснить, как формировалось мировоззрение поэта, в том числе взгляды на религию, и в чём оно заключалось, можно ли назвать его враждебным по отношению к христианству;
- какова природа приписываемой поэту «тоски по трансцендентному».

Для этого используются следующие методы исследования: биографический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический, формальный.

Материалом исследования послужили стихотворения Э. Томаса: Edward Thomas. The Collected Poems and War Diary, 1917 / ed. by R. G. Thomas with an introduction by P. Sacks. L.: Faber and Faber, 2004 (далее – The Collected Poems). К анализу также привлекаются некоторые прозаические произведения того же автора: критическая биография Ричарда Джеффриса (Thomas E. Richard Jefferies: His Life and Work. Boston: Little, Brown & Company, 1909 (далее – Richard Jefferies)), «Южный край» (Thomas E. The South Country. L.: J. M. Dent & Co, 1909 (далее – The South Country)), «Деревня» (“The Country”), эссе «Англия» (отрывки из «Деревни» и «Англии» включены в сборник избранной прозы Томаса: A Language Not to Be Betrayed: Selected Prose of Edward Thomas / selected and with introduction by E. Longley. Manchester: Carcanet, 1985 (далее – A Language Not to Be Betrayed); там же можно найти отрывки из автобиографии писателя “The Childhood of Edward Thomas”) и предисловие к произведениям поэта-«метафизика» XVII века Джорджа Герберта (Herbert G. The Temple & A Priest to the Temple / introduction by E. Thomas. L.: J. M. Dent & Co, 1908). Также для сравнительного анализа использовалась повесть Ж.-П. Сартра «Слова» (Сартр Ж.-П. Слова / пер. с франц. Л. Зониной и Ю. Яхниной. М.: Прогресс, 1966).

Теоретическую базу исследования составляют лекции П. Рябова (2020; 2021) об экзистенциализме, работа У. Дж. Кита о «сельской» традиции в английской литературе (Keith, 1975), книга Р. Харриса о кризисе веры у писателей (Harrises, 2018), труды англоязычных литературоведов и литературных критиков, посвящённые творчеству Э. Томаса (Kirkham, 2010; Longley, 2017; Marsh, 1978) и английской поэзии (Kendall, 2006; Longley, 2000; 2005; Wain, 1977), а также биографов писателя (Emeny, 2017; Thomas, 1987).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты по определению отношения Э. Томаса к религии можно использовать при подготовке лекций и для проведения практических занятий по истории зарубежной литературы XX века в гуманитарных вузах.

Обсуждение и результаты

Все те, кто писал и пишет о Э. Томасе, сходятся в одном: его нельзя назвать религиозным человеком в традиционном смысле. По его взглядам, которые исследователи выводят из корпуса оставленных им письменных документов, его считают агностиком (Kirkham, 2010, p. 3) или атеистом (Marsh, 1978, p. 105; Longley, 2000, p. 44), но также говорят о его «религиозном духе» (Emeny, 2017, p. 180). Нередко можно прочесть о негативном отношении поэта к христианству и религии в целом: «...отверг христианство» (Longley, 2005, p. 73), «...был враждебен по отношению к христианству и всем формам веры в сверхъестественное» (Kirkham, 2010, p. 3) (здесь и далее – перевод автора статьи. – Е. Т.). Очевидно, имеются основания приписывать Э. Томасу такие взгляды. Однако равно справедливо и то, что взгляды формируются в определённых условиях.

Отмечается, что в начале XX в. британская политическая элита была в большинстве своём неверующей. Традиционное религиозное воспитание, обычно евангелического толка, на рубеже XIX-XX веков часто приводило в итоге к агностицизму или атеизму, причём нередко в сочетании с социализмом. Другие же избирали иной путь и принимали римский католицизм или становились англо-католиками (Harrises, 2018). Однако в случае Томаса религиозное воспитание, вероятно, трудно с полной уверенностью назвать «традиционным».

В воспоминаниях о своих ранних годах “The Childhood of Edward Thomas” («Детство Эдварда Томаса») сам поэт сообщает, что у его родителей не было определённых религиозных убеждений (Thomas, 1987, p. 5). Его отец отверг англиканство и консерватизм своей семьи, когда переехал в Лондон (Emeny, 2017, p. 27), и, как вспоминал сын, ходил по разным сектантским часовням, причём иногда брал с собой юного Эдварда, особенно когда остановился на посещении унитарийской часовни (Thomas, 1987, p. 5). (Унитарии – это христиане, отвергающие догмат Троицы; они также не признают вероучение о грехопадении и таинства. Как можно заключить, это либеральное религиозное течение.)

Впоследствии же отец стал позитивистом и прихожанином «Церкви Человечества», где он даже был пастором в 1909-1919 гг. (Emeny, 2017, p. 27). Напротив, бабушка с отцовской стороны, жившая в Суиндоне в Уилтшире, куда Эдвард ездил на каникулы, придерживалась традиционных религиозных взглядов. Она впервые взяла Эдварда в церковь; как он вспоминал, «это был необъяснимый заговор часового самоистязания» (A Language Not to Be Betrayed, 1985, p. 249).

Мать невольно углубила неприязнь, рассказав о двух христианских тётюшках, воспитывавших её и её двух сестёр, т. к. они рано осиротели, и сделавших её жизнь несчастной. Поэт признавался, что ещё немного, и у него сложилось бы мнение, что все религиозные люди – жестокие лицемеры (Thomas, 1987, p. 8).

Учитывая изложенное выше, у Э. Томаса вряд ли могло сформироваться серьёзное или положительное отношение к традиционной религии. Так что, по всей вероятности, имеются все основания назвать его одним из поэтов, «для кого Бог умер или никогда не существовал» (Longley, 2017, p. 196).

В мировоззрении Э. Томаса можно увидеть некоторое сходство с экзистенциализмом. Полагают, что экзистенциализм появился как реакция на позитивизм, ориентирующийся на сциентизм (Рябов, 2021, с. 25).

Как известно, отец Томаса весьма увлекался позитивизмом. Сам же писатель не считал науку абсолютной, непогрешимой истиной и в небольшой брошюре “The Country” («Деревня») назвал её столь же преходящей, как и вера в ведьм (A Language Not to Be Betrayed, 1985, p. 197). Философия экзистенциализма и его предшественников (например, С. Кьеркегора) возникает в результате сомнения, потери веры в стройную систему мироздания, когда «человеку не на что опереться» (Рябов, 2020, с. 199). Эта фраза почти буквально повторяет слова Э. Томаса, вложенные в уста его alter ego в «Деревне»: “There is nothing left for us to rest upon” (A Language Not to Be Betrayed, 1985, p. 198). / «Нам не осталось ничего, на что можно опереться». В так называемом «атеистическом» экзистенциализме человек пытается стать собой в этом мире с помощью творчества (Рябов, 2021, с. 57). Всю сознательную жизнь Томас стремился найти себя в литературе, что в конце концов ему удалось в поэзии.

В биографии и взглядах Томаса прослеживаются параллели с экзистенциалистом Ж.-П. Сартром. Например, в автобиографической повести о детстве «Слова» Сартр (1966, с. 79-81) рассказывает, что он стал атеистом из-за чисто номинальной роли религии в его семье. Мальчику преподавали катехизис и священную историю, но «возможности верить не дали» (Сартр, 1966, с. 170), поэтому он обрёл «эрзац христианина в литературе» (Сартр, 1966, с. 170).

Как было общепринято в то время, Э. Томас в школе и Оксфорде изучал Divinity (учебную дисциплину, включающую рассмотрение христианского богословия, богослужения и Библии) (Thomas, 1987), но это осталось чуждым его натуре. Судя по книгам Э. Томаса, их автор считал, что религиозные вопросы «едва ли стоит задавать» (Kendall, 2006, p. 79). Однако существуют свидетельства, что в юности Томас сожалел об отсутствии в его жизни «традиционного» (англиканского) религиозного воспитания. Например, перед тем как отправиться в Оксфордский университет, он пишет в письме старшему другу Гарри Хутону о надежде «найти удовлетворение в Церкви Англии» (Цит. по: Thomas, 1987, p. 55). Но будущий поэт так и не выполнил своего намерения. После окончания университета он подводит итог, сравнивая то, что он не ходил в церковь колледжа, с «отсутствием материнской нежности в раннем обучении» (Thomas, 1987, p. 93).

В «Словах» Сартр (1966, с. 87) сравнил себя с безбилетным пассажиром, которому нужно доказать контролёру, почему ему необходимо ехать. В прозе Э. Томаса встречается концепция «лишнего человека» (the “superfluous man”), которую он, как считают, почерпнул у И. С. Тургенева, из повести «Дневник лишнего человека» (Longley, 2017, p. 110, 287). Это «современные люди ниоткуда» (The South Country, 1909, p. 7), которые пытаются найти своё место в новом мире; к ним Э. Томас причисляет и себя (The South Country, 1909, p. 6). В главе «Южного края» (“The South Country”) Э. Томас от лица одного из таких «лишних людей» описывает поистине «экзистенциальное» переживание: перед ребёнком как будто разверзлась бездна бесконечного времени и пространства, от которой никто не смог бы его спасти, даже отец. Это было нечто противоположное мистическому экстазу – чувству единства со всем существующим (The South Country, 1909, p. 75).

Вышесказанное перекликается с тем, что сказал поэт Джон Уэйн, объясняя, почему он считает Э. Томаса первым английским современным поэтом. Одной из современных черт, по Уэйну, является «отчуждение неверия» (Wain, 1977, p. 353) – потеря веры в стройную систему, стоящую за Вселенной, лишает человека чувства связи как с миром природы, так и с человечеством и приводит к более сильному одиночеству, чем простое отсутствие других людей (Wain, 1977, p. 353).

Тем не менее каждому человеку, по словам самого Томаса, требуется что-то, «на что можно опереться». В его случае, как считают, это была природа (Kirkham, 2010, p. 3), которая привлекала будущего поэта с ранних лет. Тогда же юный Эдвард увлёкся произведениями писателя-натуралиста Ричарда Джеффриса (1848-1887), которые оказали на него значительное влияние. Читал он и других писателей-натуралистов. Как писатель он начинал с природных зарисовок, которые вошли в книгу “The Woodland Life” (досл. «Лесная жизнь»), изданную в 1897 г. (Emery, 2017, p. 258).

Томас хорошо знал английскую литературу о сельской жизни. В этой литературе, начиная с её основоположника Исаака Волтона (1593-1683) с его книгой “The Compleat Angler” (в русск. пер. «Искусный рыболов») и до середины XIX в., отражается религиозное благочестие писателей. С конца XIX в. среди пишущих о природе и сельской жизни распространяется агностицизм; тем не менее они продолжают относиться к природе, можно сказать, с религиозным благоговением. Например, Джеффрис, ставший агностиком в зрелые годы, отразил опыт своих юношеских мистических переживаний при общении с природой в «духовной автобиографии» “The Story of My Heart” («Повесть моего сердца») (Keith, 1975).

Томасу импонирует благоговейное отношение к природе, «мистика природы», поэтому он ценит таких писателей, как Волтон, открытый в начале XX в. Томас Траэрт, Джеффрис, У. Г. Хадсон, независимо от того, христианское ли у них мировоззрение или нет. В прозе Томаса тоже можно заметить следы «мистики природы». В какой-то степени они игра воображения, однако, вероятно, именно такие отрывки дают основание говорить о его «религиозном духе». Так, рассказ “The Stile” («Перелаз») побудил друга Томаса Джесса Берриджа, ставшего англиканским священником, назвать писателя в 1912 г. “anima naturaliter Christiana” (лат. «душа, христианская по природе») (Thomas, 1987, p. 250). Старший современник Томаса У. Г. Хадсон считал его «до некоторой степени мистиком» (Цит. по: Thomas, 1987, p. 250).

Подобное настроение присуще и природной лирике Томаса, особенно когда речь идёт о пении птиц, в таких, например, стихотворениях, как “March” («Март»), “Adlestrop” («Эйделструп»), “Sedge-Warblers” («Камышовки»), “The Word” («Слово»). В наши дни часто говорят об «экоцентрическом» мировидении Томаса; некоторые считают, что он предвосхитил «экокритический» подход к литературе (Longley, 2000; 2005; 2017).

Исследователи творчества поэта полагают, что мировосприятие Томаса складывалось из агностицизма, скептицизма и смутного желания некой определённости, в которую, однако, он не мог верить (Kirkham, 2010).

Вероятно, сочетание того, что может показаться присущей поэтам-романтикам тоской по трансцендентному, и современного скептицизма побудило автора книги о кризисе веры у писателей конца XIX-XX века, христианского богослова, включить в неё главу о Томасе; подобие тоски по трансцендентному он называет «неуловимым зовом» (“elusive call”) (Harriss, 2018, p. xii). Однако философ бы, вероятно, назвал эту тоску «экзистенциальной», а литературоведы считают, что духовные поиски поэта были скорее психологическими, чем теологическими (Longley, 2017, p. 197), что можно заметить, например, в стихотворениях “Beauty” («Красота») или “Glory” («Слава»).

На христианство же Э. Томас смотрит с точки зрения исторической перспективы (в университете он изучал историю). Например, в предисловии к “The Temple and A Priest to the Temple” Джорджа Герберта он отмечает ревностную приверженность Герберта Англиканской церкви и в этом видит его ограниченность. Однако ещё многое остаётся, «чтобы показать, каким значительным и достаточно человеческим институтом была та церковь, каким человеком был тот священник» (Herbert, 1908, p. xi). Таким образом, он видит в церкви человеческий институт и смотрит на христианство как бы со стороны.

В эссе «Англия» (“England”), написанном вскоре после начала войны, Томас, говоря об истинном патриотизме «Искусного рыбака» Уолтона, цитирует отрывок, в котором Рыболов (Piscator), восхищаясь окружающей природой и предлагая воздать хвалу Богу за возможность наслаждаться ею, декламирует стихотворение Герберта “Vertue” («Добродетель»), из которого Томас приводит только первую строку: “Sweet day, so cool, so calm, so bright...” (A Language Not to Be Betrayed, 1985, p. 230). / досл. «Милый день, столь прохладный, столь спокойный, столь яркий...». Следует отметить, что в стихотворении Герберта говорится о недолговечности прекрасного дня, розы и весны и подчёркивается незыблемость добродетельной души (Herbert, 1908, p. 85-86), однако Рыболов, по-видимому, делает упор на красоту окружающего мира, и Томас разделяет это отношение.

Поэт рассматривает христианство в контексте развития человечества, а человеческая натура, по его мнению, мало изменилась за тысячелетия. Так, ещё задолго до Первой мировой войны он пишет в биографии Джеффриса о мегалитическом памятнике в Уилтшире (откуда родом был писатель), что никому не известно, чему поклонялись в храме Эйвбери, но человеческому уму до сих пор свойственны «фантазия и жестокость, когда он молится в стенах» (Richard Jefferies, 1909, p. 9). И с присущим ему эгоцентризмом добавляет, что для него яворы, «которые хмурятся у входа в храм, более божественны» (Richard Jefferies, 1909, p. 9), таким образом подчёркивая конечность религий и вечность природы. Вязы, срубленные в лондонском пригороде, являлись частью религии его местных жителей, они поддерживали «святыню красоты» (The South Country, 1909, p. 64), а у вновь прибывших туда уже «не было богов, только новенькая готическая церковь» (The South Country, 1909, p. 65).

То, что не устраивало поэта в христианстве, это, по-видимому, его чуждость природе. Так, он говорит, что религиозная архитектура кажется ему иногда «мёртвым языком» (The South Country, 1909, p. 5). Однако перед этим он заявляет, что предпочитает любую сельскую церковь (которая гармонирует с природным ландшафтом) величественному собору (The South Country, 1909, p. 4).

Что касается социализма (будто бы часто уживающегося с агностицизмом или атеизмом, см. выше), то у Томаса он принимает довольно радикальную «экологическую» форму. В своей прозе писатель несколько раз говорит о «содружестве» (commonwealth) всего живого (в котором людям «ещё предстоит узнать свои обязанности» (Richard Jefferies, 1909, p. 157)). Примечательно, что одно и то же выражение («содружество всех форм жизни») Томас употребляет, когда пишет и о христианском мистике XVII века Томасе Траэрне (The South Country, 1909, p. 136), и об агностике Джеффрисе (Richard Jefferies, 1909, p. 194).

Высказывалось мнение, что «Бог в поэзии Томаса едва ли фигурирует» (Kendall, 2006, p. 79). Из 142 стихотворений поэта Бог упоминается в восьми (и один раз, в стихотворении “May 23”, в уста персонажа «из народа» вложено слово «Господь»). В основном вряд ли можно сказать, что он несёт положительную коннотацию. Иногда это ирония, как, например: “...and yet / She lived long, till God gave her rest” (The Collected Poems, 2004, p. 68). / «...и всё ж / Нескоро Бог её прибрал» – о кошке, к которой лирический герой не питает симпатии (“A Cat” / «Кошка»). Стихотворение “No One Cares Less Than I” («Дело какое мне») начинается так:

No one cares less than I,
 Nobody knows but God
 Whether I am destined to lie
 Under a foreign clod... (The Collected Poems, 2004, p. 115) /
 Дело какое мне,
 Богу лишь ведать о том,
 Скроет меня иль нет
 Грунта чужого ком...

Эти строки перекликаются с известными патетическими сонетами Р. Брука и, вероятно, пародируют их (ср.: “Now God be thanked Who has matched us with His hour...” (“Peace” (Цит. по: Longley, 2017, p. 129)). / «Хвала Творцу, что не забыл о нас...» («Покой») и “...some corner of a foreign field” (“Soldier” (Цит. по: Longley, 2017, p. 129)). / «...уголок в чужих полях» («Солдат»), где будет лежать лирический герой, если погибнет). Следует отметить, что Брук тоже не отличался религиозностью (Marsh, 1978).

Однако в стихотворениях “April” («Апрель») и “This Is No Case of Petty Right or Wrong” (досл. «Это не случай мелочной справедливости или несправедливости») Бог имеет положительную коннотацию. Но следует

отметить, что это речевые клише (“God bless you” (The Collected Poems, 2004, p. 70). / «Да благословит тебя Бог» и “God save England” (The Collected Poems, 2004, p. 92). / «Да хранит Бог Англию»).

В стихотворении “Swedes” («Брюквы») открытие примитивного зимнего хранилища брюквы ассоциируется с обнаружением гробницы фараона. Причём для поэта вид давших победы корнеплодов великолепнее, чем артефакты, найденные в гробнице: свидетельства славы фараона мёртвые, искусственные и не идут ни в какое сравнение с тем, что может предложить эгоцентрическая эстетика. Фраза же “God and monkey” (The Collected Poems, 2004, p. 31) (досл. «Бог и обезьяна», при перечислении сокровищ гробницы), возможно, пародирует связь между искусством и «претензиями религии на трансцендентность и бессмертие» (Longley, 2000, p. 44).

В отличие от «окопного поэта» У. Оуэна, использовавшего религиозную лексику для описания разрушительного действия войны (Harries, 2018, p. 60; Longley, 2005, p. 69), Томас (ни одно стихотворение которого не было создано на фронте), пишет о войне, практически не упоминая её, в таких стихотворениях, как, например, “The Combe” («Овраг»), “Fifty Faggots” («Пятьдесят вязанок»), “The Gallows” («Виселица»), с «эгоцентрической» точки зрения, показывая нарастающую угрозу, насилие над природой, уязвимое и неопределённое положение как человека, так и других живых существ перед лицом непредвиденных обстоятельств.

Четверостишие “In Memoriam (Easter 1915)” («Пасха 1915») – это «экологическая» элегия в миниатюре. Нетронутые в лесу цветы говорят о том, что молодые парни, которые могли бы собирать их со своими возлюбленными, сейчас далеко на фронте и, возможно, погибли, если ещё не погибли. Таким образом, цветы – признак весеннего возрождения природы – превращаются в символ траура по погибшим, а благодаря подзаголовку «Пасха» в стихотворении христианское мировоззрение находит свою могилу (Kendall, 2006, p. 79), т. к. эта Пасха несёт не воскресение, а смерть.

В сонете “February Afternoon” («Февральским днём»), написанном, когда поэт, простудившись, провёл некоторое время в родительском доме в Лондоне, а мать читала ему Откровение Иоанна (The Collected Poems, 2004, p. 221), прослеживаются образы из этой книги (“the first are last... last are first”. / досл. «первые – последние... последние – первые»; трижды повторяется “A thousand years” (The Collected Poems, 2004, p. 99). / досл. «Тысяча лет»). Однако апокалиптические образы противопоставляются цикличности законов природы, а заключительные строки эксплицитно показывают антирелигиозный подтекст:

And God still sits aloft in the array
That we have wrought him, stone-deaf and stone-blind (The Collected Poems, 2004, p. 99). /
А Бог вверху в величии своём,
Что мы ему придали, слеп и глух.

“February Afternoon” можно интерпретировать с точки зрения «экоистории» (Longley, 2000, p. 33): людские войны и труд по преобразованию окружающей среды (пахота) уходят в глубь времён; в таком случае глухота и слепота «Бога», возможно, символизирует неспособность людей понять уроки как природы, так и истории. Также «экоисторическим» является стихотворение “Digging” [II] (досл. «Копка»; у Томаса есть ещё одно стихотворение с таким названием, поэтому обычно они помечаются номерами), в котором лирический герой находит в саду две трубки, свою и старую, которую, как он полагает, мог курить солдат былых времён. Теперь эти «реликвии» разных эпох лежат вместе, возможно, лишь немногим ближе к поверхности земли, чем кости древних людей, кто, видя, как «Всемогущий Бог» создал мастодонта, смеялся и плакал «при том же самом свете дня» (“in this same light of day” (The Collected Poems, 2004, p. 87)). И здесь «Всемогущий Бог» может обозначать неспособность людей понять законы природы (ср., напр.: «Как мало мы знаем о делах земли...» (The South Country, 1909, p. 26)).

На фронте во Франции, под вражескими артиллерийскими обстрелами, Томас верующим не стал. В военном дневнике 23 марта 1917 г. (буквально за полмесяца до гибели) он написал о некоем Рубине, который верит в Бога и полагает, что чудесное спасение предопределено. Поэт же отвечает, что так же, вероятно, предопределено «чудесное спасение некоторых телеграфных столбов, домов и т. д.» (The Collected Poems, 2004, p. 167). В последнем письме с фронта сыну Томас говорит о том же самом. Но после слов, что он не понимает, почему это заставляет некоторых людей «верить в Бога», поэт добавляет: «Хорошая вещь – верить. Я думаю, смелые люди все во что-нибудь верят, и осмелюсь сказать, у них меньше вероятности быть убитыми, чем у тех, кто не верит и не так смел» (Thomas, 1987, p. 287).

Часто ссылаются на одну из записей на последней странице военного дневника Томаса: “I never understood quite what was meant by God” (The Collected Poems, 2004, p. 171). / «Не мог вполне понять я, что такое Бог» (Emeny, 2017, p. 27; Harries, 2018, p. 57; Thomas, 1987, p. 255). Хотя, по нашему мнению, она по ритму похожа на строку ненаписанного стихотворения и соседствует с подобными (The Collected Poems, 2004, p. 171) (поэтому мы взяли на себя смелость перевести её как стихотворную строку), и нам кажется странным, что в известных нам работах никто не обратил на это внимания, по-видимому, в ней есть доля истины.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Э. Томас вряд ли имел религиозные убеждения, христианские или какие-либо иные. Воспитание в семье не способствовало их формированию, а обязательное изучение теологических дисциплин в средней школе и университете, вероятно, не повышало интереса к религии. Однако в юности и на фронте будущий поэт мог жалеть об отсутствии религии в его жизни.

Интериоризации христианства не произошло, и произведения Томаса отражают несколько отстранённый взгляд на него. Но нельзя утверждать, что поэт был настроен враждебно по отношению к христианству (хотя,

безусловно, не относился к нему с излишним пиететом). Для Томаса «организованная» религия была прежде всего общественным институтом, который развивался вместе с человечеством, знал периоды расцвета и упадка и со временем мог себя изжить.

Преходящей религии он противопоставлял более долговечную природу, которую описывал с благоговением, присущим английской литературе такого рода, а смысл жизни пытался обрести в самореализации через творчество.

С другой стороны, поскольку у Томаса, по причине скептицизма, не было веры в «трансцендентный абсолют», управляющий мирозданием, и вообще в присутствие целесообразности в мире (как у экзистенциалистов), его поэзии свойственно чувство неудовлетворённости, «экзистенциальной» тоски, которое знакомо многим людям новейшего времени. Вероятно, именно в этом секрет популярности поэзии Томаса у современных англоязычных читателей.

Перспективы исследования могут заключаться в сравнении стихотворений о природе Э. Томаса и его однофамильца, англо-валлийского поэта второй половины XX века Р. С. Томаса (1913–2000), писавшего в религиозном духе; в произведениях обоих поэтов находили параллели, даже предполагали, что последний мог испытать влияние своего предшественника.

Источники | References

1. Рябов П. Экзистенциализм. Возраст зрелости. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2020.
2. Рябов П. Экзистенциализм. Период становления. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2021.
3. Emeny R. Edward Thomas: A Life in Pictures. L.: Enitharmon Press, 2017.
4. Harries R. Haunted by Christ: Modern Writers and the Struggle for Faith. L.: SPCK, 2018.
5. Keith W. J. The Rural Tradition. Hassocks: The Harvester Press Limited, 1975.
6. Kendall T. Modern English War Poetry. Oxford: Oxford University Press, 2006.
7. Kirkham M. The Imagination of Edward Thomas. N. Y.: Cambridge University Press, 2010.
8. Longley E. Poetry & Posterity. Tarsset: Bloodaxe Books, 2000.
9. Longley E. The Great War, History, and the English Lyric // The Cambridge Companion to the Literature of the First World War / ed. by V. Sherry. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
10. Longley E. Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric. L.: Enitharmon Press, 2017.
11. Marsh J. Edward Thomas: A Poet for His Country. L.: Paul Elek, 1978.
12. Thomas R. G. Edward Thomas: A Portrait. Oxford: Oxford University Press, 1987.
13. Wain J. Professing Poetry. L.: Macmillan, 1977.

Информация об авторах | Author information

Талызина Елена Викторовна¹

¹ Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

Talyzina Elena Viktorovna¹

¹ Samara University of Public Administration "International Market Institute"

¹ elanor68@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.07.2023; опубликовано online (published online): 31.08.2023.

Ключевые слова (keywords): Эдвард Томас; поэзия начала XX века; кризис христианства в литературе; экзистенциальная тоска; Edward Thomas; poetry of the early XX century; crisis of Christianity in literature; existential gloom.